Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок

БЕЛЯЕВА Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник, заведующая кафедрой частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: civil@izak.ru

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: office@izak.ru

В 2016 году в российском законодательстве появился прямой запрет на передачу споров, возникающих в сфере контрактной системы, на рассмотрение третейским судам. Проблема определения споров, которые не могут рассматриваться третейским судом, имеет длительную историю, являясь предметом дискуссий в науке и судебной практике.

Целью исследования является обоснование арбитрабельности любых споров по договорам, которые заключены в результате проведения процедур закупки, в том числе и в сфере контрактной системы.

Задачами исследования являются характеристика законодательства о закупках в части субъектного состава заказчиков, критическая оценка основных постулатов, которые в свое время легли в основу позиции о невозможности разрешения в третейских судах споров по государственным контрактам, доказывание гражданско-правовой природы закупочных отношений.

Методами исследования являются общенаучные методы познания — диалектический, анализа, синтеза, сравнения и аналогии, а также частнонаучные методы — догматического анализа, используемый для толкования правовых норм и юридических конструкций, формально-юридический, структурно-функциональный, правового моделирования.

Результатами исследования стали следующие выводы авторов: 1) споры, возникающие в сфере закупок, относятся к юрисдикции третейских судов. Законодательный запрет на передачу споров в контрактной системе на рассмотрение третейского суда не является окончательным. В статье проанализированы те сферы закупок, которые подвержены законодательному регулированию, т. е. государственные (муниципальные) закупки, а также закупки компаний с государственным участием. Авторы детально излагают историю появления данной проблемы, судебную практику по признанию третейских оговорок недействительными, по отказам арбитражных судов в выдаче исполнительных листов по решениям третейских судов, новеллы в процессуальном законодательстве, связанные с установлением запрета на рассмотрение споров, возникающих в контрактной системе, третейскими судами; 2) отношения в сфере закупок являются гражданско-правовыми, а любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, априори является арбитрабельным, т. е. может быть передан на рассмотрение третейского суда; 3) существуют разные способы соблюдения принципа автономии воли. Критической оценки заслуживают понятия «договор, имеющий публичную основу», «публичный интерес». На примере судебного прецедента показана недопустимость широкого толкования этих понятий в правоприменительной практике.

Ключевые слова: закупки, третейский суд, третейская оговорка, автономия воли, свобода договора, компетентный суд, гражданско-правовой спор.

Resolution of Disputes Arising in the Sphere of Purchases through an Arbitration Proceeding

O. A. BELYAEVA, leading research fellow, head of the Department of private law disciplines of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: civil@izak.ru

A. V. GABOV, deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, honored lawyer of the Russian Federation, corresponding member of Russian Academy of Sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: office@izak.ru

In 2016 the express prohibition on resolution of the disputes arising in the sphere of contract system by the arbitration proceeding was published in the Russian legislation. The problem of definition of disputes which cannot be considered by the arbitration has long history; it is a subject of discussions both in science and in court practice.

The research objective is the justification of resolution of any disputes over contracts which are signed as a result of holding procurement procedures including those in the sphere of contract system.

The research aims are characterizing the legislation on procurements regarding the subject matter of customers, critical evaluation of the main postulates which formed the position basis about impossibility of permission in the arbitration of disputes over the state contracts, proof of the civil nature of the purchasing relations in due time.

Methods of a research are general scientific method of obtaining knowledge – dialectic, the analysis, synthesis, comparison and analogy, and also special methods — the method of the dogmatic analysis used for interpretation of precepts of law and legal designs, legalistic, structurally functional, a method of legal modeling.

The following conclusions of authors became results of a research: 1) the disputes arising in the sphere of purchases belong to jurisdiction of the arbitration. The statutory bar on resolution of disputes in contract system for consideration of the arbitration is not final. In the article those spheres of procurements are studied, which are subjects of state regulation, i.e. the government (municipal) procurements, and also procurements of the companies with the state participation are analysed. Authors state in details history of emergence of this problem, court practice by recognition the arbitration reservations as invalid, refusals of arbitration tribunals in delivery of writs of execution according to decisions of the arbitration courts, the novellas in the procedural legislation connected with establishment of the prohibition on consideration of the disputes arising in contract system, the arbitration; 2) the relations in the sphere of purchases are civil, and any dispute, following from civil legal relationship, a priori is may be resolved through arbitration; 3) different ways of respect for the principle of autonomy of will are offered, critical evaluation is deserved by such concepts as “the contract possessing a public basis”, “public interest”. On the example of judicial precedent the inadmissibility of broad interpretation of these concepts of law-enforcement practice is shown.

Keywords: procurements, arbitration court, arbitration reservation, autonomy of will, freedom of the contract, competent court, civil dispute.

DOI: 10.12737/article_58f48b4944ff75.35882359

В настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне урегулированы разные сферы закупок, ключевыми из них являются публичные закупки. Несмотря на то что данное понятие легальной дефиниции не имеет, можно утверждать, что в современной юридической

науке распространено его понимание в качестве закупок, осуществление которых урегулировано Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — За-

кон о контрактной системе) и Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон о закупках)¹.

Важно отметить, что круг лиц, закупки которых регулируются упомянутыми законами, является различным. В Российской Федерации имеет место дифференцированное законодательное регулирование закупочных отношений: государственные закупки и закупки компаний с государственным участием регулируются по-разному и на основании разных актов. Однако нельзя утверждать, что такое разделение является последовательным.

Так, юридические лица — заказчики в рамках Закона о закупках могут оказаться перед необходимостью соблюдения требований Закона о контрактной системе в следующих случаях:

1) заключение договора с аудиторской организацией или индивидуальным аудитором на проведение обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности по результатам конкурса, проводимого по правилам Закона о контрактной системе²;

¹ См., например: *Белов В. Е.* К вопросу о понятии публичных закупок: точка зрения // Проблемы применения Федерального закона о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: матер. круглого стола. М., 2013. С. 49—57; *Петров Д. А.* Публичные закупки как способ государственного воздействия на экономику // Публичные закупки: проблемы правоприменения: матер. Всерос. практ. конф. (14 июня 2013 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). М., 2013. С. 57—64.

² Это правило касается не всех заказчиков, а лишь тех лиц, которые перечислены в ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», полного совпадения в субъектном составе аудируемых лиц и заказчиков согласно ч. 2 ст. 1 Закона о закупках нет. См. подробнее: *Беляева О. А.* Как проводить

2) отсутствие утвержденного и размещенного в единой информационной системе положения о закупке (ч. 4 ст. 8 Закона о закупках);

3) невыполнение заказчиком обязанности осуществлять закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства в объеме, установленном Правительством РФ (ч. 8¹ ст. 3 Закона о закупках);

4) автономное учреждение осуществляет закупки за счет бюджетных средств, полученных на осуществление капитальных вложений в объекты государственной, муниципальной собственности (ч. 4 ст. 15 Закона о контрактной системе).

И наоборот, есть субъекты, которые в общем режиме осуществляют закупки по правилам Закона о контрактной системе, но в определенных, прямо перечисленных в законодательстве случаях имеют право воспользоваться нормами Закона о закупках (бюджетные учреждения, унитарные предприятия). Таким образом, круг лиц, на которых воздействуют Закон о контрактной системе и Закон о закупках, а равно и предметы регулирования этих законов, в значительной степени оказываются размытыми³.

Не случайно вопрос арбитрабельности споров по договорам, заключенным в результате проведения закупочных процедур, предваряется постановкой общей проблемы «закупочного дуализма». Существующая ныне дифференцированная регламентация закупочной деятельности на практике приводит к частым случаям неверного применения того или иного закона. И арбитрабельность споров не является исключением.

На основании п. 1 ст. 11 ГК РФ защите нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в

аудит в рамках Закона № 223-ФЗ? // Аукционный вестник. 2013. № 154. С. 1—3.

³ См. подробнее: *Беляева О. А.* Тенденции развития законодательства Российской Федерации о регламентированных закупках // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 22.

соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (далее — суд). Подчеркнем, что в приведенной норме понятие «суд» охватывает не только государственные суды, но и третейские.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что обращение в третейский суд относится к числу общепризнанных в современном правовом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений⁴.

Вместе с тем Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 28 января 2014 г. № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12 отверг третейскую юрисдикцию по спорам, возникающим по государственным (муниципальным) контрактам. Основопола-

гающих причин для формирования подобной позиции было несколько:

1) контракты имеют публичную основу, преследуют публичный интерес и направлены на достижение результата, необходимого в публичных целях для удовлетворения публичных нужд, достигаемого за счет траты бюджетных средств; контракты представляют собой концентрацию общественно значимых публичных элементов;

2) контракты являются договорами присоединения, поэтому лицо, подписывающее контракт с третейской оговоркой, лишено возможности выразить собственное волеизъявление в отношении третейского разбирательства и вынуждено принять это условие;

3) наличие компетенции у третейских судов Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» не предусмотрено, оснований для расширительного толкования понятия «суд» не имеется; императивные требования данного Закона не допускают возможность рассмотрения в третейских судах не только споров, возникающих при размещении заказов, но и споров, связанных с изменением, исполнением, расторжением и недействительностью контрактов, несмотря на подчинение последних требованиям гражданского законодательства.

Данное постановление, бесспорно, было резонансным, с тех пор в судебной практике третейские оговорки в контрактах повсеместно игнорировались, суды отказывали в выдаче исполнительных листов по решениям третейских судов.

Вместе с тем позиция ВАС РФ, по нашему мнению, не отличается правовой безупречностью⁵. Во-пер-

⁴ См., например, постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»; от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

⁵ Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые-юристы. См.: Брайг Б., Мутай И. М. *Res publica* и *res mercatoria* в формах ФИДИК и ГК РФ // Вестник эко-

вых, наличие публичного интереса и концентрация общественно-значимых публичных элементов — понятия, далеко не отличающиеся правовой определенностью, их толкование целиком и полностью зависит от дискреции суда. Лишь относительно недавно (уже спустя время после резонансного постановления Президиума ВАС РФ) публичные интересы были истолкованы Пленумом Верховного Суда РФ как интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды⁶. С этой точки зрения публичный интерес присутствует вообще в любых правоотношениях, хотя бы потому, что именно государство в интересах неопределенного круга лиц устанавливает правовые рамки общественных отношений.

Во-вторых, непоследовательным видится вывод Президиума ВАС РФ, признающего гражданско-правовой характер контрактных отношений, о невозможности третейской юрисдикции. Безусловно, отношения сторон в рамках государственного (муниципального) контракта являются строго гражданско-правовыми. Это нельзя опровергнуть ни публичным интересом, ни наличием огромного числа норм, сводящих на нет возможности согласования сторонами контрактных условий (запрет переговоров согласно ст. 46 Закона о контрактной системе, применение типовых контрактов на основании ч. 11 ст. 34 этого же Закона, определение

Правительством РФ размеров неустоек за нарушение контрактных обязательств и проч.).

Как справедливо отмечает Н. Н. Заботина, правовой статус органа государственной власти как стороны по контракту на поставку товаров для государственных нужд определяется его гражданской правоспособностью, а не компетенцией как субъекта публичного права; в гражданских правоотношениях неэффективно использование самого понятия «государственный контракт», которое не несет особой смысловой, функциональной нагрузки, но вызывает споры о публично-правовой природе указанного договора⁷.

Действительно, знак равенства между понятиями «контракт» и «гражданско-правовой договор» поставлен в п. 3 ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе, ввиду чего рассуждения об административной, публичной, комплексной и тому подобной природе контракта видятся надуманными.

В законе не должно быть прямого указания на возможность рассмотрения спора третейским судом. Общеизвестно, что к компетенции третейского суда относятся любые споры, возникающие между любыми участниками гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Также федеральным законом могут быть установлены ограничения на передачу спора в третейское разбирательство (ч. 3, 4 ст. 1 Федерального зако-

номического правосудия Российской Федерации. 2016. № 1. С. 122, 123; Гапанович А. В. Арбитрабельность споров, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 6. С. 57.

⁶ См. п. 75 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁷ См.: Заботина Н. Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 7—8. Мнение о гражданско-правовом характере сделок, складывающихся в рамках контрактной системы, разделяется и другими современными исследователями. См., например: Куриц Н. А. Заключение договоров о государственных и муниципальных закупках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 3, 8, 11.

на от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁸. Таким образом, все, что прямо не запрещено законом, и есть компетенция третейских судов.

Нарастающая практика признания третейских оговорок недействительными и отказов в выдаче исполнительных листов по решениям третейских судов вылилась в итоге в новеллу процессуального законодательства: с 1 сентября 2016 г. споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (п. 6 ч. 2 ст. 33 АПК РФ, п. 6 ч. 2 ст. 22¹ ГПК РФ). Вместе с тем этот запрет носит временный характер и действует лишь до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок определения постоянно действующего арбитражного учреждения, которое вправе администрировать споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Особо подчеркнем, что законодатель принципиально исходит из того, что третейское разбирательство по контрактным спорам все же возможно.

Единственная позиция, по которой сложно возражать Президиуму ВАС РФ, — это признание алгоритма заключения государственного (муниципального) контракта тождественным договору присоединения. Однако даже с учетом этого вывода все равно можно открыть дверь в

третейскую юрисдикцию. Ничто не мешает сторонам достичь третейского соглашения уже после момента заключения контракта, оформив его не в виде третейской оговорки как одного из контрактных условий, а в виде отдельного документа (конечно, если бы не введенный процессуальным законодательством запрет, о котором сказано выше).

Столь подробные рассуждения о гражданско-правовой природе контрактных отношений, необоснованности игнорирования третейских соглашений в отсутствие законодательного запрета на третейское разбирательство по контрактным спорам, правильном определении компетенции третейских судов необходимы не только для того, чтобы поставить под сомнение рациональность введения законодательного запрета третейской юрисдикции в контрактной системе. Теперь мы подходим к главной проблеме арбитрабельности, наиболее актуальной в настоящее время.

Мы начали эту статью тезисом о размытости как субъектного состава, так и предмета регулирования в Законе о контрактной системе и в Законе о закупках. Очевидно, что отношения, регулируемые Законом о закупках, являются гражданско-правовыми, поскольку нацелены на определение (выбор) контрагента в целях заключения с ним договора, т. е. перед нами в чистом виде обязательственные правоотношения. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона о закупках положение о закупке является документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок подготовки и проведения процедур закупки (включая способы закупки) и условия их применения, порядок заключения и исполнения договоров, а также иные связанные с обеспечением закупки положения. Следовательно, понятие «закупка» охватывает преддоговорные и договорные отношения между заказчиками и участниками закупки. В граждан-

⁸ Такой же подход был закреплен и в ранее действовавшем Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1).

ских отношениях выбор контрагента выступает элементом принципа свободы договора — свободы усмотрения при выборе лица для заключения договора (п. 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ).

Закупка — это процедура поиска (выбора) контрагента, причем такого, который с максимальной вероятностью исполнит условия договора надлежащим образом. Согласно ст. 2 ГК РФ участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. Закон о закупках распространяет свое действие на определенных юридических лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 1 данного Закона. Перечень заказчиков имеет закрытый характер и ограничен организационно-правовыми формами соответствующих юридических лиц, осуществлением регулируемых видов деятельности, государственным (муниципальным) участием в уставном капитале⁹.

Очевидно, что договоры, заключаемые по результатам закупочных процедур, к контрактной системе не относятся, порядок их заключения определяется на основании положений о закупке (локальных актов)

⁹ По организационно-правовой форме субъектами, осуществляющими закупки, являются государственные корпорации, государственные компании, автономные учреждения, а также хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования в совокупности превышает 50%, бюджетные учреждения и унитарные предприятия (при соблюдении ряда дополнительных условий). Кроме того, заказчиками по смыслу Закона о закупках выступают дочерние хозяйственные общества, в уставном капитале которых более 50% долей в совокупности принадлежит вышеперечисленным юридическим лицам, за исключением бюджетных учреждений (п. 2 ч. 2 ст. 1), а также дочерние хозяйственные общества, в уставном капитале которых более 50% долей в совокупности принадлежит вышеперечисленным дочерним хозяйственным обществам (п. 3 ч. 2 ст. 1).

конкретных заказчиков, именно положение о закупке служит правовой основой для проведения самой процедуры и для последующего заключения договора.

Тем не менее практика корпоративных закупок, в том числе судебная практика рассмотрения споров в этой сфере правоотношения, формируется с оглядкой на контрактную систему. Более того, в последние пару лет суды ставят под сомнение допустимость третейского разбирательства по подобным договорам. Причем в судебных решениях, как правило, не приводится весомых аргументов для опровержения третейской юрисдикции помимо тех, которые были проанализированы нами ранее в контексте позиции Президиума ВАС РФ¹⁰. Нередко суды отмечают, что решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права, не поясняя при этом, какие именно¹¹.

Соблюдение принципа автономии воли при заключении договора по результатам закупки не является нерешаемой проблемой. Во-первых, третейская оговорка может быть сформулирована в виде альтернативного (или вариативного) договорного условия, включение которого в итоговый текст договора санкционируется победителем (т. е. третейская оговорка получает юридическую силу ввиду волеизъявления победителя процедуры). Условие договора,

¹⁰ См., например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2016 г. по делу № А79-11318/2015; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2015 г. № 13АП-26140/2015 по делу № А56-41561/2015.

¹¹ См., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 19 ноября 2015 г. № Ф05-16436/2015 по делу № А40-85008/15, от 6 февраля 2015 г. № Ф05-15280/2014 по делу № А40-77184/14-69-659; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 апреля 2016 г. № Ф06-935/2015 по делу № А72-5927/2015.

содержащее третейскую оговорку, должно позволять победителю торгов (иной конкурентной процедуры) однозначно выразить свое волеизъявление. В таком случае оспаривание третейской оговорки станет невозможным¹². Во-вторых, законодательного запрета на ведение переговоров в сфере корпоративных закупок нет, на практике довольно распространено использование протоколов разногласий. Этот факт исключает рассуждения о «навязывании» третейского соглашения победителю процедуры закупки.

Весьма интересно дело о признании третейской оговорки недействительной по следующей причине: в договоре имелось указание на то, что он заключен во исполнение Федеральной целевой программы. На этом основании суд сделал вывод о том, что договор направлен на достижение результата, необходимого в публичных целях, достигаемого за счет траты бюджетных средств¹³. На основании данного решения Арбитражный суд Приморского края отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору, возникшему из данного договора¹⁴.

Действительно, многие заказчики, особенно те, кто входит в так называемые контуры государственных корпораций, имеют отношение к реализации федеральных целевых про-

грамм. Но следует ли из этого, что их договоры имеют публичную основу? На наш взгляд, это вовсе неочевидно.

В данном деле стороной договора выступало акционерное общество, следовательно, бюджетное финансирование было весьма опосредованным.

Расходование средств федерального бюджета регламентируется положениями Бюджетного кодекса РФ, согласно ст. 6 которого получатель бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета) — орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено настоящим Кодексом.

Как следует из приведенной нормы, акционерное общество не входит в круг получателей бюджетных средств, следовательно, договор такого лица не может финансироваться за счет средств бюджета, это просто не предусмотрено законом.

В соответствии со ст. 80 БК РФ юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, предоставляются бюджетные инвестиции, что влечет возникновение права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц, которое оформляется участием Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в уставных (складочных) капиталах таких юридических лиц в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

¹² См. подробнее: *Беляева О. А.* Третейская оговорка в договорах, заключаемых по результатам торгов и иных конкурентных процедур // *Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Е. Г. Азарова, А. А. Аюрова, М. К. Белобащенко и др.; отв. ред. А. В. Габов.* М., 2015. С. 300.

¹³ См. решение Арбитражного суда Калужской области от 20 июля 2016 г. по делу № А23-2501/2016 (оставлено в силе постановлением Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2016 г. № 20АП-5355/2016).

¹⁴ См. определение Арбитражного суда Приморского края от 10 ноября 2016 г. по делу № А04-1329/2016.

Таким образом, алгоритм участия публично-правового образования в собственности субъекта бюджетных инвестиций заключается в том, что финансирование осуществляется в обмен на акции (доли) в уставном капитале субъекта. Приобретение государством дополнительного выпуска акций акционерного общества осуществляется по правилам ст. 28 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и представляет собой самостоятельную сделку, предметом которой является передача акций дополнительного выпуска в обмен на их оплату.

Следовательно, оплата акций по одному договору не может рассматриваться как финансирование государством договоров, заключенных акционерным обществом с какими-либо хозяйствующими субъектами. Каждый гражданско-правовой договор имеет свой предмет, один договор не может отождествляться с другим договором, в том числе с государственным контрактом. Таким образом, публичный интерес в рассматриваемых отношениях имеется, однако заключен он не в договоре, содержащем третейскую оговорку, а в договоре об участии Российской Федерации в собственности субъекта инвестиций (истца), иными словами, закрепление акций получателя инвестиции в собственности Российской Федерации и есть достижение публичного интереса.

Вызывает удивление другое: суд положил неправильную (не соответ-

ствующую бюджетному законодательству) формулировку договорного условия в основу вывода о публичной основе договора, по сути, отождествив его с государственным контрактом.

На наш взгляд, судебная практика формируется в ошибочном направлении. Нет оснований ставить под сомнение допустимость рассмотрения гражданско-правовых споров, возникающих из договоров, а равно и контрактов в сфере закупок, в третейских судах. Также следует с опасением отнестись к произвольно широкому пониманию публичного интереса, осудить то обстоятельство, что пресловутый публичный интерес видится везде и всюду, в любых правоотношениях, в том числе складывающихся между хозяйствующими субъектами.

В декабре 2013 г. Президент РФ В. В. Путин, обращаясь с ежегодным посланием к парламенту, упомянул о необходимости повысить авторитет третейских судов. Вместо этого мы наблюдаем обратное: повсеместные отмены третейских решений, отказы в выдаче исполнительных листов, признание третейских оговорок недействительными. Если такая тенденция будет усиливаться и дальше, то нужно будет поставить под сомнение целесообразность существования в нашей стране третейской юрисдикции как таковой и констатировать игнорирование судами одной из основополагающих норм ГК РФ о защите гражданских прав в третейском суде наряду с государственной судебной системой.

Библиографический список

- Белов В. Е. К вопросу о понятии публичных закупок: точка зрения // Проблемы применения Федерального закона о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: матер. круглого стола. М., 2013.
- Беляева О. А. Как проводить аудит в рамках Закона № 223-ФЗ? // Аукционный вестник. 2013. № 154.
- Беляева О. А. Тенденции развития законодательства Российской Федерации о регламентированных закупках // Журнал российского права. 2016. № 9.
- Беляева О. А. Третейская оговорка в договорах, заключаемых по результатам торгов и иных конкурентных процедур // Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Е. Г. Азарова, А. А. Аюрова, М. К. Белобабченко и др.; отв. ред. А. В. Габов. М., 2015.

Брайг Б., Мутай И. М. *Res publica и res mercatoria в проформах ФИДИК и ГК РФ* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 1.

Гапанович А. В. *Арбитрабельность споров, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов* // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 6.

Заботина Н. Н. *Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.*

Курц Н. А. *Заключение договоров о государственных и муниципальных закупках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.*

Петров Д. А. *Публичные закупки как способ государственного воздействия на экономику* // Публичные закупки: проблемы правоприменения: матер. Всерос. практ. конф. (14 июня 2013 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). М., 2013.

Актуальные вопросы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения

ФОРМАКИДОВ Дмитрий Анатольевич, доцент кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: formakidov@yandex.ru

В статье обращено внимание, что в связи со значимыми новеллами жилищного законодательства нормы, регулирующие коммерческий наем жилья, требуют актуализации, оптимизации, обстоятельного реформирования.

Цель исследования — рассмотреть некоторые актуальные вопросы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения.

Автором применялись: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм.

По мнению автора, современное правовое регулирование коммерческого найма должно строиться на базе сочетания принципов и функций как гражданского, так и жилищного права, соответствовать общей юридической технике составления жилищного законодательства. В исследовании затрагивается следующая проблема правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения: недостатком определения найма, содержащегося в статье 671 Гражданского кодекса Российской Федерации, является отсутствие указания на возможность передачи жилого помещения внаем иными лицами, помимо собственника и уполномоченных им лиц.

Автор, признавая различие функций жилищного и гражданского права, принципов этих отраслей, специфики объекта найма, придерживаясь мнения о безусловной гражданско-правовой природе всех договоров найма жилых помещений, приходит к выводу о необходимости урегулирования отношений по найму жилья исключительно в специальном отраслевом акте — Жилищном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: договор коммерческого найма жилого помещения, жилищное законодательство, гражданское законодательство, Жилищный кодекс Российской Федерации.

Topical Issues of Legal Regulation of a Commercial Residential Lease Agreement

D. A. FORMAKIDOV, associate professor at the Department of civil law of the Perm State University, candidate of legal sciences
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
E-mail: formakidov@yandex.ru